

Фанфэй зорко следила за наложницей Лу — как бы та не вздумала разлучать влюблённых. Она слышала от Юнь Жун, что дворцовые женщины мастера говорить одно, а подразумевать другое; за хорошими словами часто следуют плохие. Она не боялась, что кто-то сможет их разлучить — честно говоря, во всём мироздании для этого не нашлось бы силы. Она боялась, что её господин расстроится.

Однако наложница Лу больше ничего не добавила. Она взяла руки Цзина в свои и, подняв голову, посмотрела на него. Цзин был выше.

Она долго смотрела на него, а затем снова вздохнула про себя.

Какая мать не мечтает устроить для своего ребёнка самую лучшую долю? Она давно заметила, что сын её чересчур холоден и сдержан. С детства он казался приветливым и обходительным, но по-настоящему близко к сердцу мало кого принимал. Из всех братьев лишь болезненный наследник и искусно скрывавший свои истинные намерения Цзи Лань могли сойти за его товарищей. Но и то — не более того.

Цзи Ян был слишком холоден и рассудителен. Иногда она не понимала, в кого он таким уродился.

Ни она, ни отец Цзи Яна не были такими.

Поэтому она заранее подыскала ему невесту — свою племянницу по материнской линии. Та подходила идеально: кроткого нрава, смогла бы сносить характер Цзи Яна и, возможно, даже смягчить его.

Но кто бы мог подумать... Наложница Лу задумалась, вспоминая слова той девушки-духа. Они не могли быть ложью. У наложницы Лу был достаточный жизненный опыт, чтобы видеть далеко. То, что её сын не хочет быть императором, раньше её не смущало. Её собственная жизнь с шестнадцати лет была заточена за дворцовыми стенами, и она желала сыну свободы. А эти два месяца, полные невероятных событий, не уложились бы и в самую фантастическую книгу. Она читала немало историй о духах и чудесах, романов для времяпрепровождения — но это превосходило всё.

Глядя на Цзина, наложница Лу подумала: может, её сын и вправду суждённый Небом государь? Раз уж с ним приключается такое?

Она мысленно усмехнулась. Что ж, что ж... У человека всего одна жизнь.

Она сама заточена в глубинах дворца, так почему бы её сыну не жить в согласии со своим сердцем?

К тому же этот юноша по имени Цзин был настолько прекрасен, что к нему невозможно было испытывать неприязнь. Напротив, он вызывал бесконечную симпатию.

Наложница Лу наконец заговорила. Она отпустила холодные руки Цзина, и холодок в её собственном сердце постепенно растаял. Она снова мягко улыбнулась:

— Должно быть, ты связан с нами, матерью и сыном, особой судьбой, раз спас нас уже не раз. Благодарю тебя.

Цзин замотал головой, не находя слов.

Наложница Лу снова улыбнулась. Даже в самой простой, почти убогой одежде она излучала царственное достоинство.

Она снова взяла Цзина за руку, подвела к потертому ложу у кровати и усадила, ласково спросив:

— Почему же ты тогда женился на Цзи Яне, а потом развёлся?

— Он меня обманул! — выпалил Цзин, не задумываясь.

Наложница Лу прикрыла рот рукой, глаза её светились смехом.

Цзин моргнул, почувствовав, что, кажется, сказал что-то не то. Он подумал и добавил:

— Но я уже не сержусь! Хотя он и обманул меня, зато мы развелись, и он написал мне письмо о разводе! Теперь уж я не могу сердиться!

— Правда?

— Правда! — Цзин тут же полез в рукав, достал письмо о разводе и протянул наложнице Лу. — Вот, смотрите!

Наложница Лу едва не рассмеялась от всего сердца. Теперь она понимала, почему её сын потерял голову. Да, просто слушая рассказ служанки, она уже знала — сын влюбился в этого духа. Кто, как не мать, знает своего ребёнка? Глаза её изогнулись от улыбки, и лишь в уголках глаз проступили лучики морщинок, выдававшие возраст. Цзин заметил их, и ему стало немного грустно.

Наложница Лу взяла лист бумаги. Справа крупными иероглифами было выведено: «Письмо о разводе».

Прочитав несколько строк, она на этот раз едва сдержала смех. Ей уже не хотелось отпускать Цзина. Собравшись, она с серьёзным видом вернула письмо ему и сказала:

— Ты поступил правильно.

— Правда? — глаза Цзина загорелись. Он сунул письмо обратно в рукав и недоумённо спросил:

— А вчера я не разрешил ему спать со мной, и он, кажется, немного расстроился.

Наложница Лу ущипнула себя за ладонь, чтобы не рассмеяться.

Она сделала серьёзное лицо:

— С тем, кто тебя обманул, так и надо поступать.

— Но со временем он не... не станет... — он придвинулся поближе и понизил голос:

— Мои служанки бывали в резиденциях всех принцев. У других принцев — жён и наложниц целые толпы!

— Цзи Ян не посмеет. Я за этим прослежу.

— А... — Цзин на секунду задумался, затем широко улыбнулся наложнице Лу. — Спасибо... Эй,

а как мне вас называть? В книгах, которые я читал, духи называют женщин «тётка» или «матушка», но вы такая красивая, у меня язык не поворачивается...

Наложница Лу подняла глаза к потолочной балке и прикрыла их рукой.

Цзин недоумённо оглянулся на служанок, но те тоже не понимали.

Они и не догадывались, как наложнице Лу мучительно трудно было сдерживать хохот.

Та немного перевела дух, выпрямила спину и спокойно сказала:

— Можешь звать меня «матушка», как и Цзи Ян.

Цзин широко раскрыл глаза, но затем покачал головой:

— Но мы же развелись.

Наложница Лу прикрыла рот рукой, но на этот раз смех вырвался наружу.

Разговор человека и духа пошёл на удивление оживлённо. Наложнице Лу и вправду не хотелось отпускать Цзина, но тому пора было уходить, да и у неё самой были дела.

Раньше она думала: раз уж попала во дворец, то не стоит ни о чём мечтать, вся жизнь пройдёт вот так, главное — убережь сына и сохранить своё сердце. Двадцать с лишним лет так и прошли. А теперь что? Цзи Лань, которого она с такой любовью растила, оказался жестоким неблагодарным волчонком. Император же проявил себя нерешительным и несправедливым. И не только Цзи Лань — все прочие принцы тоже ничего не стоили.

Единственным по-настоящему добрым был наследник Цзи Чунь, но и того убили.

В смерти Цзи Чуня, пожалуй, замешаны все принцы, а вину свалили на её сына.

Она холодно усмехнулась. Раз так — никто из них не взойдёт на трон. Все должны умереть, заплатив кровью за кровь её сына.

Трон по праву принадлежал её сыну.

Что ж, борьба так борьба.

Разве они с сыном когда-либо кого-то боялись?

Она сказала, что хочет написать письмо для Цзи Яна. Чернил и бумаги под рукой не было, но Фанфэй тут же их материализовала. Наложница Лу смотрела на это с восхищением, но без страха. Написав письмо, она передала его Цзину. Тот принял его с необычайной серьёзностью и заявил:

— Тёженька, будьте спокойны, я лично вручу ему письмо! Я не стану подглядывать!

Наложница Лу позволила ему так себя называть, и ей это нравилось. А Цзину нравилось называть её так, мягко и почтительно.

Она улыбнулась:

— Могла бы и прочесть, ничего страшного.

— Не стану!

Тут наложница Лу поднялась:

— Скорее возвращайся. Не беспокойся обо мне. Раз дела обстоят так, то, как только вернётся Лю Сюнь, я, должно быть, смогу покинуть Холодный Дворец.

— Но та служанка хотела тебя убить!

Наложница Лу равнодушно покачала головой:

— Ничего. Она не смогла меня убить, и теперь те, кто стоит за ней, будут скорее напуганы, чем решатся на новую попытку. Чего мне бояться?

Нун Юэ кстати упомянула, что Яо Юэ осталась сторожить ту служанку. Наложница Лу улыбнулась и сказала:

— В том свёртке, видимо, был ядовитый порошок? В таком случае, попроси ту девицу подложить его в одежду служанки или в её жилище так, чтобы та не обнаружила, а затем отпустить её обратно во дворец. Через некоторое время, когда я выйду отсюда, это мне пригодится.

Нун Юэ и другим людские хитрости были не слишком понятны, но дело это было простое, и они кивнули в знак согласия.

Рассветало. Наложница Лу снова поторопила Цзина:

— Скорее возвращайся. Проснётся, не найдёт тебя — забеспокоится.

Цзину нравилась наложница Лу, но Цзи Яна он любил больше. Он кивнул, сказал, что уходит, но всё же с сожалением оглянулся на неё.

Наложница Лу улыбнулась:

— Тебе ведь легко приходиться ко мне. Через несколько дней, когда я выйду из Холодного Дворца, приходи в гости. Я велю своим служанкам приготовить тебе что-нибудь вкусное, хорошо? Я живу в Дворце Нефритового Гибискуса, в первом здании к западу от центральной оси внутренних покоев.

— Хорошо!! — кивнул Цзин.

Наложница Лу с улыбкой подтолкнула его:

— Иди же.

Цзин сделал несколько шагов, потом вернулся. Он сначала достал из рукава маленькую стеклянную баночку, затем протянул ладонь, и из неё полилась вода, которой он наполнил сосуд. Он протянул баночку наложнице Лу:

— Наносите на морщинки — разглядятся. — и ткнул пальцем в уголок своего глаза.

Наложница Лу снова рассмеялась.

Она подумала, что через несколько лет, когда она снова увидит сына, морщинки, пожалуй,

появятся у него на висках.

Не от возраста, а оттого, что с этим ребёнком то и дело хочется смеяться.

Она приняла баночку и ещё раз сердечно поблагодарила.

Только тогда Цзин, сияя улыбкой, вместе со служанками растворился в воздухе. Наложница Лу смотрела на это место с безмолвным изумлением.

Уже рассвело, и утренний свет проникал сквозь оконные рамы. Наложница Лу подняла стеклянную баночку к свету, покрутила — вода внутри была кристально чистой. Она улыбнулась. Сохранить молодость и красоту? А кому это показывать?

Но это был дар от Цзина, от чистого сердца. Она бережно убрала баночку, села обратно на ложе, налила себе чашку давно остывшей простой воды и медленно пила, обдумывая, как же разыграть предстоящее действие.

<http://bllate.org/book/15942/1425260>